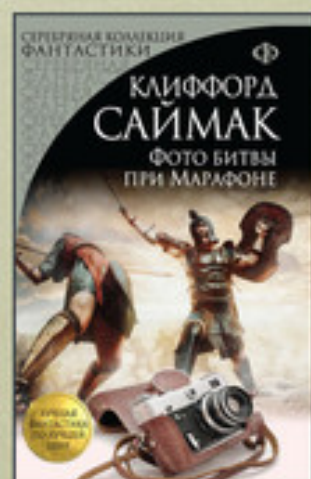

Клиффорд Саймак

Цилиндр

*Часть сборника
Фото битвы при Марафоне
(сборник)*

Клиффорд Саймак

Цилиндр

«ЭКСМО»

1974

Саймак К. Д.

Цилиндр / К. Д. Саймак — «Эксмо», 1974

Перед вами авторский сборник рассказов от Клиффорда Саймака – мастера жанра «гуманитарной» НФ! На сей раз речь пойдет о странных и таинственных событиях, загадках истории, инопланетных гостях и путешествиях во времени...

© Саймак К. Д., 1974

© Эксмо, 1974

Клиффорд Саймак

Цилиндр

Clifford D. Simak
The Birch Clump Cylinder

© 1986 by Clifford D. Simak

© Корженевский А., Филонов А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

1

Когда Бронсон повернул машину на ведущую к ступеням Крамден-Холла петляющую дорогу, я ощутил в окрестном пейзаже перемены, хотя и не сразу понял, какие именно.

— Глядите-ка, пагода исчезла! — наконец догадался я.

— Да, снесло как-то ночью ураганом несколько лет назад, — сообщил Бронсон. — Уж больно она была хлипкая.

В остальном все осталось по-прежнему. Енотов Ручей ничуть не переменялся. Он спокойно располагался на своем месте и, хотя несколько обветшал, изо всех сил старался выглядеть как ни в чем не бывало.

— Да и хорошо, что нет ее, — продолжал Бронсон. — Все равно она была здесь как-то не к месту. По мне, так чересчур легковесная.

Машина подкатила к колоннаде и остановилась.

— Заходите, — сказал Бронсон. — Старик Пратер вас ждет. А я поставлю машину и принесу ваши чемоданы.

— Спасибо, что встретили. Давненько мы не виделись, Бронсон.

— Лет пятнадцать, — уточнил он, — а то и все двадцать. Года нас не балуют. А вы не заглянули к нам ни разу.

— Да, — согласился я, — не довелось.

Машина отъехала, и, как только она скрылась из виду, я увидел, что был не прав. Пагода никуда не пропала; залитая закатным светом, она по-прежнему стояла на своем месте — точь-в-точь такая, какой запомнилась. Примостилась на опоясанной изгибом дороги лужайке. Возле угла пагоды тянулась к небу сосна, а под стеной шелестел листьями тис.

— Чарльз, — донеслось сзади, — Чарльз, как я рад тебя видеть.

Я обернулся и увидел ковыляющего вниз по лестнице Старика Пратера.

Я быстро пошел навстречу, и мы немного постояли, глядя друг на друга в угасающих лучах заката. Старик Пратер почти не изменился. Пожалуй, чуточку постарел и поистрепался, но пока не горбился и держался молодцом, демонстрируя чуть ли не армейскую выправку. От него все так же исходил воображаемый запах мела. «Величественный, как и прежде, разве что с годами все черты чуточку смягчились», — подумал я, глядя на него.

— Тут все как раньше, — сказал я, — только плохо, что пагода...

— Эта набившая всем оскомину штука рухнула. Мы замучились разгребать обломки.

Мы поднялись по лестнице.

— Хорошо, что ты приехал. Вероятно, догадываешься, что у нас проблемы. Видишь ли, по телефону я не мог вдаваться в подробности.

– Я ухватился за возможность приехать сюда. Разумеется, я сидел без дела с тех самых пор, как меня вышвырнули из Института времени.

– Но это было два года назад. И никто тебя не вышвыривал.

– Уже три, – возразил я. – И вышвырнули, причем довольно явно.

– По-моему, обед давно готов. Лучше поторопимся к столу, а то старик Эмиль...

– Эмиль здесь?

– Мы еще держимся. – Старик Пратер тихонько хихикнул. – Бронсон, я и Эмиль. Приходят и молодые, но у них не та школа. А мы стали сварливыми. Временами даже въедливыми, особенно Эмиль. Он придиричив сверх всякой меры и может отругать, если опоздаешь к обеду или съешь меньше положенного – считает это оскорблением для своей стряпни.

Мы добрались до двери и ступили в холл.

– А теперь, – предложил я, – может, будете любезны изложить мне суть этого розыгрыша с пагодой?

– А, так ты ее видел?

– Ну конечно же видел. Уже после того, как Бронсон объявил, что она рухнула. Она была там в то самое время, когда вы говорили, что она развалилась. Если это замысловатая шутка, каким-то образом относящаяся к моей работе в Институте времени...

– Это не трюк, а одна из причин твоего приезда. Поговорим об этом позже, а сейчас надо поспешить к столу, не то Эмиль будет в ярости. Кстати, я не упоминал, что парочка твоих однокашников будет обедать с нами? Леонард Эсбери – ты, разумеется, не забыл его.

– Доктор Пратер, все эти годы я пытался не вспоминать об этом хамоватом типчике. Кто еще из выпускников попал в избранный круг участников дела о пагоде?

– Только один человек – Мэри Холланд, – ответил он, нисколько не смутившись.

– Та, что разбила ваше сердце, занявшись музыкой?

– Чарльз, если ты думаешь, что она разбила мое сердце, то заблуждаешься и насчет моих занятий, и насчет целей института. Мир не может позволить себе лишиться музыки, которую творит эта девочка.

– Итак, – провозгласил я, – знаменитый математик, талантливый композитор и разиня – исследователь времени. Когда речь заходит о подборе команды, вы проявляете чудеса изобретательности.

В его глазах запрыгали веселые чертики.

– Пойдем-ка за стол, – усмехнулся он, – а то Эмиль всех собак на нас спустит.

2

Обед был хороший, простой и обильный: суп-пюре из курятины, салат и отличные ребрышки с жареным картофелем; было и неплохое вино.

Старик Пратер довольно часто пускался в непоследовательные и помпезные рассуждения; хозяином он был хорошим, в этом ему не откажешь. Мы же почти не прерывали молчания, перекинувшись лишь несколькими словами, которые принято произносить после долгой разлуки с давними знакомыми.

Я пристально разглядывал тех двоих, и они отвечали мне тем же, наверняка гадая, с какой это стати Старик Пратер решил пригласить и Чарльза. Что ж, вопрос вполне законный, и винить их тут не за что.

Как я понял, Леонард Эсбери остался все тем же хамоватым типом. Его жидкие черные волосы были плотно прилизаны, на лице застыло холодное хитроватое выражение. Говорил он, почти не разжимая тонких губ. Этот ублюдок нравился мне ничуть не больше, чем прежде.

А вот Мэри совсем другое дело. Она была симпатичной девчушкой, у нас даже было несколько свиданий – но и только, ни к чему серьезному это не привело. Зато теперь красота покинула ее, и Мэри превратилась в этакую солидную матрону. У меня даже возникло подозрение, что за написанным на ее лице умиротворением скрывается обыкновенная пустота.

Оба они совершенно сбили меня с толку. Я забеспокоился и начал жалеть, что приехал.

– А теперь, – заявил Старик Пратер, – перейдем к делу. Ибо, как я полагаю, нас собралось здесь некое дело, причем весьма спешное.

Он вытер губы салфеткой, скомкал ее, бросил на стол и продолжил:

– По-моему, Чарльз уже кое о чем догадывается. Едва прибыв, он заметил нечто такое, что вы оба упустили.

Леонард и Мэри одновременно воззрились на меня. Я не промолвил ни слова: представление затеял Старик Пратер, вот пусть он и расхлебывает.

– Весьма вероятно, что у нас есть машина времени.

Мгновение все хранили молчание, а потом Леонард наклонился вперед и спросил:

– Вы хотите сказать, что кто-то изобрел...

– Прошу прощения, – отвечал Старик Пратер, – этого я сказать отнюдь не хочу. Машина времени свалилась в березовую рощицу у небольшого пруда позади мастерских.

– Как это – свалилась?

– Ну, может, и не свалилась. Вероятно, слово «объявилась» более уместно. Ее нашел Колченогий, наш садовник. Очень недалекий парень. Вы его, наверно, не знаете: он пришел всего несколько лет назад.

– То есть вы предполагаете, что она стала видна? – уточнила Мэри.

– Ну да, просто стала видна. Ее можно там увидеть, хотя и не совсем отчетливо, потому что частенько она кажется несколько расплывчатой. Иногда около нее оказываются какие-то объекты, потом исчезают – мы считаем, что они просто блуждают во времени. Вокруг университетского городка появляются довольно странные миражи – пагода, к примеру. – Он обернулся ко мне: – Похоже, эта конструкция питает слабость к пагоде.

– Тут нашим экспертом будет Чарльз, – с плохо скрываемой издевкой заявил Леонард. – Это ж он у нас исследователь времени.

Я не ответил, и в течение долгих минут вообще не было сказано ни слова. Наконец молчание стало невыносимым, и Старик Пратер попытался его нарушить.

– Разумеется, все понимают, что нынче вечером они приглашены сюда не без причины. Мы должны как-то овладеть ситуацией, и я убежден, что каждый из вас внесет свой вклад в дело.

– Но, доктор Пратер, – возразила Мэри, – об этом предмете я знаю меньше чем ничего. О времени я даже не задумывалась – разве что как об отвлеченном понятии. Я даже не ученый. Вся моя жизнь посвящена музыке, и все другие понятия меня не интересовали.

– Именно это я и имел в виду, – отвечал Старик Пратер, – именно потому-то ты и здесь. Нам нужно незапятнанное, непредубежденное – я бы сказал, девственное – сознание, чтобы рассмотреть этот феномен. Нам нужен разум человека, подобного тебе, который ни разу не подумал о времени, кроме как, по твоим словам, «об отвлеченном понятии». И у Леонарда, и у Чарльза здесь имеется некоторая предубежденность.

– Конечно, я благодарна за приглашение и, вполне естественно, заинтригована тем, что вы называете «феноменом». Но вы должны понять, что в отношении времени у меня крайне посредственные представления и возможность моей помощи в работе весьма и весьма сомнительна.

Слушая, я осознал, что вполне с ней согласен. Наконец-то Старик Пратер умудрился облапошить самого себя. Его доводы в пользу приглашения Мэри в группу показались мне полнейшей белибердой.

– Я тоже должен признаться, – подхватил Леонард, – что не уделял времени серьезного внимания. Разумеется, в математике – то есть в некоторых разделах данной науки – время является одним из факторов, и с таковым я, естественно, знаком. Но само время меня никогда не интересовало, и вам следует понять...

Старик Пратер остановил его нетерпеливым жестом.

– Не торопись. Сдается мне, вы чересчур торопитесь сбросить себя со счетов. – Он повернулся ко мне: – Итак, остался только ты. Ты не сказал ровным счетом ничего.

– Вероятно, потому что мне нечего сказать.

– Факт остается фактом, – настаивал он. – Ты работал в Институте времени. При мысли об этом я прямо сгораю от любопытства. Хотя ты сможешь рассказать, о чем там шла речь. Особенно мне интересно, почему ты уволился.

– Я не увольнялся, меня выперли, вышвырнули, дали под зад коленкой. Предпосылки проекта вам известны. Исходная и самая главная предпосылка заключается в том, что если мы выберемся за пределы Солнечной системы – если надеемся добраться до звезд, – то должны знать о концепции пространства-времени чуточку больше, чем теперь.

– До меня доходили кое-какие слухи об ужасном скандале, – вмешался Леонард. – По моим сведениям...

– Не знаю, насколько он был ужасен, – перебил я, – но, как я понимаю, это был своего рода крах. Видите ли, я собирался устроить развод: отделить пространство от времени, превратив их в две отдельные сущности. Ведь, будь они прокляты, стоит немного подумать, и сразу ясно, что это два самостоятельных фактора. Но ученые столько времени болтали о пространственно-временном континууме, что он стал научным идиолом. Похоже, в науке превагирует мнение, что при попытке разделить их вселенная разлетится на кусочки, что они каким-то образом слиты – дескать, сие и породило вселенную. Но если ты намерен работать со временем, так и работай с одним лишь временем, без всяких довесков. Либо ты работаешь со временем, либо – с пустым местом.

– На мой взгляд, это философия, – заметил Старик Пратер.

– Вы и кое-кто еще из здешних педагогов учили нас философскому подходу. Помню, как вы говорили: «Думайте интенсивно и напрямик, и к чертям всякие выкрутасы».

Он весьма неестественно закашлялся.

– Сомневаюсь, что я облек данное выражение именно в такую форму.

– Ну конечно нет, в моем исполнении это звучит несколько упрощенно. Ваши слова были куда вежливее и намного витиеватей. Никакой философии тут нет, это всего лишь здравый смысл – результат тех напряженных и незамысловатых рассуждений, к которым вы всегда нас призывали. Если ты намерен с чем-нибудь работать, то сперва разберись с чем или хотя бы выдай какую-нибудь теорию на сей счет. Разумеется, теория может быть и ошибочной.

– Вот потому-то, – воткнул шпильку Леонард, – от тебя и избавились.

– Вот потому-то от меня и избавились. Мол, это нереалистичный подход, дескать, никто этим не будет заниматься.

Пока я говорил, Старик Пратер успел встать из-за стола, подойти к высившемуся в углу древнему комоду и вытащить из ящика какую-то книгу. Вернувшись к столу, он вручил книгу Леонарду и уселся на место.

Леонард открыл книгу и зашелестел страницами, потом внезапно перестал листать и уставился в текст.

– Где вы это взяли? – Он озадаченно поглядел на Пратера.

– Помнишь, я говорил, что благодаря машине времени появляются кое-какие объекты? Появляются и исчезают...

– Что за объекты? – спросила Мэри.

– Разные, по большей части – весьма распространенные. Помнится, были даже бейсбольная бита, сломанное велосипедное колесо, ящики, бутылки, всякий другой хлам. Все появлялось поблизости от этой конструкции, но мы позволяли объектам исчезнуть, боясь подойти к ним чересчур близко. Не стоит шутить с эффектами времени – кто знает, к чему это может привести.

– Но ведь кто-то же утащил эту книгу? – усомнился Леонард.

– Колченогий. Он немного туповат, но почему-то очень интересуется книгами – и вовсе не потому, что может вычитать что-нибудь понятное для себя. Особенно из этой.

– Да уж, надо думать! – согласился Леонард. Потом заметил мой пристальный взгляд. – Ладно, Чарльз, слушай: это математика, совершенно новый раздел. Мне надо его изучить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.